

ВТО и модернизация образования в России: что нас ожидает?

По прошествии 18 лет Россия с осени 2012 г. стала полноправным членом Всемирной торговой организации (ВТО). Многие страны были заинтересованы во вступлении России в ВТО, а некоторые ставили ей специфические условия, преследуя свой корыстный экономический, а чаще политический интерес. Но вот, наконец, долгий процесс переговоров увенчался успехом: Министерская конференция ВТО на заседании в Женеве 16 декабря 2011 г. окончательно одобрила решение о вступлении России в ВТО: российская сторона получила время на проведение внутренних ратификационных процедур, и 22 ав-

густа 2012 г. Россия официально стала 152-м членом Всемирной торговой организации.

Немного истории. Основная миссия ВТО — создание и поддержание единых прозрачных правил, которые обеспечат свободное трансграничное движение товаров, услуг, капиталов и трудовых ресурсов с целью развития экономик стран-членов и, как следствие, развитие и совершенствование мировой экономики. ВТО была оформлена как организация в середине 90-х годов прошлого века и основывалась на ряде международно-признанных соглашений и правил, таких как ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торгов-

ле) и GATS (Генеральное соглашение по торговле и услугам).

Кроме того, правовая база ВТО включает ряд соглашений, разработанных специально для реализации концепции ВТО. В рамках этой организации действуют Комиссия GATS по урегулированию споров и Суд ВТО. Принцип рассмотрения и урегулирования споров в Суде ВТО основывается на прецедентном праве. Отметим, что многие из этих соглашений и правил родились как инструмент урегулирования споров в глобализированной экономике. На главную роль в мировой экономике претендуют исключительно транснациональные корпорации (ТНК), а если учесть, что правила ВТО имеют приоритет над национальными нормами права, то проблема жесткой конкурентной борьбы по «чужим» правилам затронет все без исключения отрасли экономики России.

В долгосрочной перспективе, как это принято считать, от вступления в ВТО Россия получит существенную выгоду за счет снятия ряда дискриминационных мер в области торговли, защиты интеллектуальной собственности, инвестиций и т.п. Однако краткосрочная перспектива российской экономики в жестком конкурентном мире ВТО весьма печальна. Различные аналитики дают прогнозы в диапазоне от потерь в сотни миллиардов долларов до полного паралича российской экономики. Споры на эту тему свидетельствуют о том, что ни одна российская государственная структура не знает в точности, что и как нужно делать. К тому же время благоприятной конъюнктуры для сырьевых отраслей российской экономики, когда можно было бы более рационально использовать средства Стабилизационного фонда, было потрачено впустую. Не были проведены подготовительные мероприятия, не были приняты необходимые законы, которые позволили бы российским предприятиям подготовиться к жесткой

Степанов Сергей Станиславович — ректор Международного независимого эколого-политологического университета, кандидат экономических наук.

Дарда Игорь Владимирович — проректор по учебно-методической работе Международного независимого эколого-политологического университета, доктор технических наук.

конкурентной борьбе, причем на своей территории.

Главными положительными последствиями вступления России в ВТО должны стать либерализация экономики и улучшение бизнес-климата. «У нас же модернизации не было — у нас были высокие цены на нефть, Путин и страх бизнеса перед всем, что вокруг. Как раз со вступления в ВТО начнется настоящая модернизация...» — сказал в интервью радио BBC научный руководитель НИУ «Высшая школа экономики» Е.Г. Ясин. Из 155 секторов, предусмотренных классификацией ВТО, Россия примет на себя обязательства по 116 секторам услуг, в том числе в образовательной сфере. Поэтому вопрос, что делать российской системе образования вообще и особенно применительно к условиям состоявшегося членства России в ВТО, становится фундаментальным.

Открытость или прозрачность границ для услуг в области образования в соответствии с правилами ВТО касается всех ступеней от дошкольного образования до послевузовского. Практика стран — «старых» членов ВТО свидетельствует, что в дошкольном и начальном школьном образовании особой экспансии извне не наблюдается. Здесь есть ряд причин. Прежде всего «невъездной» возраст детей, который признается международными правилами, национальный менталитет и т.п. Но самое главное, на наш взгляд, что не представляется возможным на раннем этапе развития детей определить их реальные способности, а следовательно, оценить их с точки зрения полезности и ценности для науки и экономики ТНК. Картина меняется на старших ступенях школьного образования и уж тем более в высшем и послевузовском образовании. Именно там начинается «охота за мозгами». Именно в этой сфере «мозги» способны самостоятельно перемещаться; они становятся объектом инвестиций и торговли для ТНК.

Чем отличаются системы профессионального, в частности высшего профессионального образования (ВПО), стран — членов ВТО от российской образовательной модели? Основное отличие заключается в отсутствии государственных стандартов образования в странах — лидерах в области образования: США, Великобритании, Франции, Швейцарии, Австралии, Германии и т.п. Даже Китай отказался от модели государственной аккредитации вузов. Страны, в которых государство продолжает продвигать и ужесточать государственные требования, в частности к вузам, — это Россия и Бе-

Главными положительными последствиями вступления России в ВТО должны стать либерализация экономики и улучшение бизнес-климата.

ларусь, но Беларусь не вступила в ВТО и пока ее рынки закрыты для внешней конкуренции.

Насколько наше профессиональное сообщество и система образования в целом готовы к вступлению в ВТО? Речь идет о подготовке российскими вузами квалифицированных специалистов-международников, в частности юристов, бухгалтеров, менеджеров, управленцев, экономистов, которые знали бы специфику работы предприятий и отраслей в условиях ВТО. Китай за 13 лет переговоров о вступлении в ВТО параллельно подготовил порядка 700 тыс. (!) своих специалистов, «заточенных» именно под проблематику ВТО.

Общие экономические условия с вступлением страны в ВТО будут меняться, причем быстро. Для зарубежных компаний рыночная среда является привычной, и они умеют работать в ее условиях, наши нет, большинству из них этому нужно учиться. Согласно исследованию, проведенному одной из социологических служб, лишь около 6% руководителей крупных и средних предприятий

достаточно хорошо представляют себе правила деятельности ВТО. Только на 15% предприятий есть специалисты, которые обладают компетенцией в своей области менеджмента или права на общепринятом в международной торговле уровне, на остальных таких специалистов нет.

Как считают в правительстве, лишь 30% предприятий готовы обучать специалистов, понимая, что работа в условиях жесткой конкуренции потребует владения новыми знаниями и технологиями, и лишь 4% производственных предприятий выделяют средства для обу-

чения своих сотрудников. Это означает, что большая часть российских предприятий автоматически оказывается в менее выгодных условиях, чем западные компании. Поэтому главная задача правительства сейчас — убедить их в том, что нужно готовить специалистов, обновлять производство [1].

Мобильность, свобода выбора тех или иных наборов дисциплин, отсутствие жесткой регламентации в сроках и порядке освоения учебных программ, широчайший доступ к самым новым знаниям с помощью различных образовательных проектов благотворительных и специализированных фондов, гранты и образовательные кредиты на льготных условиях, возможность общения с зарубежными сверстниками для студентов, живущих в студенческих кампусах, вузовская наука, которая является двигателем научного прогресса развитых стран, профессора и преподаватели, имеющие возможность читать лекции в разных странах, повышать свою квалификацию за счет широчайшего академического и научного обмена, самые благоприятные финансовые условия для вузов, льгот-

ное налогообложение, финансирование их деятельности не только государством, но и различными фондами, корпорациями, частными лицами — вот неполный перечень стандартного набора вузовских условий, которые есть во всех ведущих странах мира.

Что делает привлекательным в глазах студентов обучение в вузах ведущих образовательных держав? Конечно, выбор определяется условиями обучения, материально-технической базой, уровнем научной работы, перечнем изучаемых дисциплин, уровнем профессионализма профессорско-препода-

вершенно ненужными и неконкурентоспособными на глобализирующемся рынке труда.

Когда студенты начнут понимать, что с российскими «документами государственного образца» на рынке труда они не нужны, российские вузы опустеют. Таким образом, можно предположить, что неусыпная забота государства о качестве обучения в российских вузах даст противоположный эффект — некому будет предлагать это качество. Уже сейчас, если провести опрос среди студентов, диплом какого вуза они предпочитают, самого лучшего российского

Риск полностью потерять высшее образование «российского производства» есть.

вательского состава и многим другим. Это по большому счету можно отнести к понятию «престиж»: насколько диплом того или иного вуза котируется, каков уровень зарплаты, которую по окончании обучения получают выпускники, насколько работодатели заинтересованы в выпускниках данного вуза, получивших ту или иную специальность. При современном уровне глобализации требования, которые формирует рынок труда к специалистам с дипломами, унифицируются. Это касается фактически всех отраслей экономики. Таким образом, можно сказать, что требования к качеству образования в вузах стран — членов ВТО определяют не государственные структуры, а те же самые транснациональные корпорации или их многочисленные «дочки».

Что мы наблюдаем в системе ВПО России? Как она готовится «отразить нападки» сильных конкурентов из-за рубежа? Мы видим парадоксальную ситуацию: с одной стороны, Россия почти целиком открывает рынки для ТНК, а с другой — продолжая сохранять государственные стандарты в высшей школе, делает российское образование, точнее, ее выпускников, со-

(МГУ, СПбГУ, ВШЭ, РАГС-АНХ) или зарубежного, скорее всего мы получим результат, который нас не устроит — студенты выберут Гарвард, Оксфорд, Йель и далее по списку... Сейчас эти вузы на территории России не работают, пока не работают, есть только их представители. А что будет, когда они придут к нам физически? Думается, Закон об образовании просто не к кому будет применять. Конечно, это пессимистический прогноз, но нам нужно строить политику не на основе радужных ожиданий. Риск полностью потерять высшее образование «российского производства» есть. Вступив в ВТО, мы определили цели своего среднесрочного развития, сейчас нужно думать о конкретных мерах в ближайшей перспективе.

Если ранее отечественные вузы имели привилегированное положение, то теперь все должно измениться. Государственная поддержка будет сведена к минимуму, лучших преподавателей начнут переманивать иностранные филиалы, лучшие выпускники этих учебных площадок будут уезжать на работу за границу. Снижение объемов финансирования высшего образования уже началось.

На сайте Минфина можно ознакомиться с текущими и предстоящими расходами на образование [2]: в 2012 г. — 381 597 273,6 тыс. руб.; в 2013 г. — 336 204 037,9 тыс. руб.; в 2014 г. — 254 822 490,8 тыс. руб., то есть за три года государство планирует сократить их на 34%.

Еще одна проблема, остро стоящая сегодня, касается рынка труда и специалистов, которых готовят российские вузы. Необходимо ответить на вопросы: кого нужно готовить в первую очередь, кого — во вторую, нужно ли столько специалистов того или иного профиля. К сожалению, такой системы учета потребности в кадрах у нас нет ни на местном, ни на региональном, ни на федеральном уровне. Отсюда следуют «перекося» в выделении бюджетных мест на специальности, выпускники которых не востребованы экономикой, и, как следствие, неэффективное использование бюджетных (и немалых!) средств.

Поскольку процесс подготовки квалифицированного специалиста, полностью адаптированного к работе в условиях ВТО, долгосрочный, то нельзя не упомянуть такой путь решения проблемы, как профессиональная переподготовка существующих специалистов. Наряду с вузами большую роль в переподготовке кадров могут играть консалтинговые компании. В рамках президентской программы по переподготовке кадров ежегодно готовится около 5 тыс. специалистов в области финансов, маркетинга и менеджмента. Необходимо несколько переориентировать эту программу и увеличить число специалистов, которые будут востребованы после открытия рынков.

Сейчас наши экспортеры, сталкиваясь с антидемпинговыми процедурами, вынуждены нанимать иностранные компании для защиты своих интересов. Они признают, что собственными силами справиться с особенностями работы на внешних рынках не в со-

стоянии, поэтому, очевидно, будет возникать потребность в квалифицированных юристах, финансистах, технических экспертах.

В условиях открытости рынков российским предприятиям потребуются система мониторинга за случаями недобросовестной конкуренции, демпинга или противоречащих нормам ВТО государственных субсидий отдельным предприятиям и целым отраслям. Для создания и поддержания системы информации и противодействия будут необходимы соответствующие специалисты, а также организационное и техническое обеспечение.

В бюджете страны средства на финансирование переподготовки специалистов не предусмотрены. Вряд ли целесообразно платить за обучение персонала частных предприятий из госбюджета. Расходы по переподготовке должны нести в первую очередь сами предприятия. В последние годы некоторые руководители и собственники начинают понимать, что повышение квалификации персонала жизненно необходимо. Возрождается система курсов повышения квалификации. Предприятия уже платят за обучение. Кроме того, некоторые специалисты готовы платить за свое образование сами [1].

До конца еще не осмыслены результаты и следствия мониторинга, проведенного Министерством

образования и науки Российской Федерации (МОН) как государственных, так и негосударственных вузов с целью выявления «неэффективных вузов». Вузы оценивались по одним и тем же критериям, что заведомо поставило их в неравные условия. Показатели, пороговые значения и критерии, на основе которых проведено ранжирование вузов, подготовлены Ассоциацией федеральных университетов, национальных научно-исследовательских университетов, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета, то есть тех образовательных организаций, которые занимают лидирующие позиции по объемам государственного финансирования.

Показатели оценки деятельности вузов, безусловно, необходимы. Но они не могут быть одинаковыми и для технических, и для художественных вузов, и для национальных исследовательских университетов, и для институтов. И тем более они не могут служить критериями эффективности и неэффективности, поскольку не ясны сами показатели эффективности, которые ранее никто никогда не формулировал — ни МОН, ни государство, ни общество. Играть нужно по ясным, четко сформулированным и всем понятным правилам. Вот только играть не пришлось — сразу объявили и новые правила, и результат. Не лучше ли было дать вузам время, хотя бы год, а потом уже оценивать, кто чего стоит?

Впрочем, совершенно ясно, почему так произошло: в очередной раз российские вузы не попали ни в один международный рейтинг, и МОН решило измерить «среднюю температуру по больнице», оценив реальные показатели соответствия наших вузов международным стандартам, по которым зарубежные вузы, кстати, работают многие десятилетия.

Двадцать лет назад, когда международные рейтинги только за-

рождались, на заседаниях Зальцбургского семинара авторитетные мировые эксперты уверенно заявляли, что не менее 10% топовой части этих рейтингов достанется российским вузам. И вот теперь оказалось, что в Шанхайском рейтинге всего два отечественных университета, а в рейтинге *Times* российских вузов нет вообще. Лишь в QS мы более или менее представлены — 22 вуза, но и это на порядок меньше, чем у стран-лидеров (США — 246, Великобритания — 127, Китай — 109 вузов) [3].

Например, рейтинг лучших университетов мира, по версии *QS World University Rankings*, учитывает следующие шесть показателей [4].

1. Академическая репутация (academic reputation) составляет 40% от общей оценки.
2. Отношение работодателей к выпускникам вуза (employer reputation) — 10% от общей оценки.
3. Уровень цитируемости публикаций сотрудников университета (citations per faculty) — 20%.
4. Соотношение числа студентов и преподавателей (faculty student ratio) — 20%.
5. Численность в вузе иностранных студентов (proportion of international students) — 5%.
6. Численность в вузе иностранных преподавателей (proportion of international faculty) — 5%.

Показатели, предложенные вышеупомянутыми передовыми российскими университетами, в значительной степени перекликаются с указанными: среди них есть и удельный вес численности иностранных студентов в общем контингенте обучающихся, и удельный вес численности иностранных преподавателей в общей численности научно-педагогических работников, и количество цитирований в Российском индексе научного цитирования на 100 научно-педагогических работников и многие другие. Кстати, Российский индекс научного цитирования охватывает практически только журналы, но не мо-

нографии и сборники статей и не обеспечивает полноту охвата из-за немногочисленности изданий. Не лучше ли сначала усовершенствовать отечественную библиографическую базу, а уж потом ею руководствоваться?

Тем не менее такой подход к сравнению «их» и нас» достаточно абсурден, поскольку в основе образовательных систем лежат разные принципы. У нас выполнение научных исследований вменяется в обязанность вузовскому преподавателю вне зависимости от его профессиональных наклонностей и пристрастий: ты можешь быть замечательным педагогом, но не очень выдающимся ученым или наоборот, но заниматься и преподаванием, и наукой (выполняя свою учебную нагрузку в объеме до 900 час/год) попросту обязан. В западных же университетах вопрос о том, в какой степени проведение научных исследований положительно сказывается на способности человека обучать других, либо не рассматривается вовсе, либо отодвигается на задний план. «Публикаторы» в этих условиях пользуются большим уважением и лучше оплачиваются, чем «обучатели», которые постепенно превращаются в людей второго сорта.

Так подробно на этом вопросе мы остановились потому, что задача подготовки высококвалифицированных кадров для успешного и быстрого старта экономики России в новых условиях ВТО не может быть решена существующими методами. Впрочем, к проблеме реформирования вузовской системы можно подойти и с более общих позиций. Очевидно, что «догоняющая» стратегия, основанная на воспроизводстве институциональных и содержательных моделей сегодняшних лидеров, не может привести к успеху: догнать их не удастся. Что же делать? Надо осмыслить не российскую, а глобальную ситуацию, осознать, что институциональная модель университета, родившаяся ровно 200 лет назад, «несколько»

устарела, определить, какая новая модель может удовлетворить потребности общества знания, как трансформировалась цель образования (на наш взгляд, теперь это не трансляция знаний, а развитие навыков их генерации), и дать возможность университетам самим осуществить преобразования в соответствии с этой моделью.

Описанная задача гораздо сложнее, чем финансирование исследований, которые проводятся в университетах, получивших гордый статус исследовательских, однако без ее решения эффект от введения нового статуса в нашей стране будет крайне незначительным [5].

Но вернемся к мониторингу вузов: на прошедшем в конце ноября 2012 г. заседании Межведомственной комиссии по подведению мониторинга государственных образовательных учреждений [6] определены три списка «неэффективных» вузов: 1 — имеющие признаки неэффективности, связанные со спецификой их деятельности (36 вузов и 58 филиалов); 2 — нуждающиеся в оптимизации деятельности (70 вузов и 130 филиалов); 3 — образовательные учреждения, которые являются неэффективными и нуждаются в реорганизации (30 вузов и 262 филиала).

С высокой степенью вероятности можно предположить, что в результате «оптимизационных мероприятий», которые МОН проведет в ближайшее время, количество вузов (как государственных, так и негосударственных) значительно уменьшится. Внешне это будет восприниматься как апокалипсис ВПО, вызванный кризисом самой системы и, как следствие, уменьшением ее финансирования, о чем было сказано выше.

Безусловно, вступление России в ВТО усилит международный обмен в сфере образования, не только позволит выйти на глобальный рынок образовательных услуг, но и откроет «свои двери» для иностранных образовательных учреждений, что создаст множество проблем.

На фоне «оптимизационных мероприятий» МОН и экспансии зарубежных вузов высшее образование в России станет не столько конкурентоспособным и элитным по качеству, сколько элитарным по стоимости.

Так что же делать, как дать шанс системе высшего образования в России не проиграть конкурентную борьбу хотя бы на своем поле?

Первое. Как нам кажется, нужно определиться с функцией МОН. Это ведомство как «вещь в себе» живет по своим правилам, оторванным от реальности, и заставляет жить в «потустороннем мире» порядка 10 млн человек, имеющих отношение к системе высшего образования: студентов, преподавателей и т.п. Контролировать всех и вся, определять качество всего, быть и игроком, и арбитром одновременно — это взаимоисключающие функции. Стагнация в образовании — это прежде всего вина МОН, не имеющего системного подхода, руководствующегося чаще всего внутрикорпоративными интересами. Система коррупции в государственных вузах является естественным следствием

несоблюдения принципа разумной достаточности функций для государственных структур.

Второе. Необходимо кардинальное изменение Закона об образовании. Государству нужно выйти из состава учредителей вузов. Следует отменить государственную аккредитацию и, как следствие, дипломы государственного образца; отменить образовательные стандарты — все должны решать только профессиональные, не подконтрольные государству

Высшее образование в России станет не столько конкурентоспособным и элитным по качеству, сколько элитарным по стоимости.

сообщества и потребители образовательных услуг, то есть работодатели. Для нужд государственных структур и обеспечения безопасности государства следует определить необходимый набор специальностей и дисциплин и в этой части вернуться к системе государственного заказа и распределения по квотам для МВД, ФСБ, МО, МЧС и т.п.

Третье. Изменить Налоговый кодекс с тем, чтобы заинтересовать предприятия и частные фонды в финансировании вузов. Избавить вузы от большинства налогов, оставив только связанные с заработной платой. Законодательно ввести образовательные кредиты для студентов, определить разумные условия их получения и возврата.

Текущие проблемы — уменьшение финансирования системы образования, стремление ведущих вузов РФ войти в топ ведущих вузов мира. Налицо явное противоречие — бюджет Гарварда сопоставим с бюджетом всего российского образования. Но ни у одного государства мира нет возможности поддерживать, часто искусственно, амбиции больших коллективов и помогать им в конкурентной борьбе — это не функция государства.

Необходимость ухода государства из высшего образования обусловлена не только ситуацией с ВТО. Государственная опека не позволяет вузам оперативно реагировать на изменения в образовании и науке на мировом уровне, делая студентов заведомо неконкурентоспособными на рынке труда.

Российская высшая школа никак не может отказаться от старой советской модели, которая была весьма эффективна в условиях

плановой экономики и довольно-таки сильной изоляции от остального мира. Сейчас, в условиях жесткой международной конкуренции, она стала неповоротливой и безнадежно проигрывает международным конкурентам.

Но чиновникам и во многом верхушке вузовского сообщества выгодно такое положение дел, когда они, фактически не отвечая за результат, распоряжаются огромными государственными деньгами. Именно поэтому в новый Закон об образовании закладываются устаревшие принципы. Именно поэтому преференции даются не по результатам, имеющим вес на международной арене (норма для любой развитой страны мира), а по принципу «от достигнутого», в соответствии с брендом, по решению комиссий [3].

Еще будучи премьер-министром, В.В. Путин на вопрос о рисках и выгодах присоединения России к ВТО ответил, что таковых «50 на 50». Действительно, ряд российских отраслей, в частности экспортно-ориентированных, как говорят эксперты, скорее выиграет от новых возможностей, предоставляемых членством страны в ВТО. Однако другим от-

раслям — аграрной, перерабатывающим и ориентированным на внутренний спрос (в том числе наукоемким), по оценкам тех же экспертов, придется непросто. И тогда проблема востребованности кадров на рынке труда, да и вообще подготовка специалистов по ряду направлений встанет перед неподготовленной высшей школой «в полный рост», а может, и решать ее уже будет поздно. Результатом модернизации образования должно быть не решение краткосрочных финансовых проблем бюджета, а придание образовательному сообществу способности быть двигателем прогресса во всех отраслях экономики. Для этого требуется постоянный поиск нестандартных решений, творчество и профессиональная ответственность, а не прокрустово ложе государственных образовательных стандартов.

И как в подтверждение наших опасений осенью прошлого года, спустя несколько месяцев после вступления России в ВТО, Европарламент издает резолюцию [7].

Еврочиновники Старого света начинают давление на Россию. И этот процесс только начинается [8]. ■

ПЭС 12176/06.12.2012

Литература

1. <http://www.cfin.ru/press/management/2002-1/03.shtml>.
2. [http://www1.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2011/12/371-FZ\(budjet%202012-2014\).pdf](http://www1.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2011/12/371-FZ(budjet%202012-2014).pdf).
3. <http://www.rbcdaily.ru/2012/10/19/focus/562949984958898>.
4. <http://www.iu.qs.com/university-rankings/world-university-rankings/>
5. http://slon.ru/russia/o_modernizacii_obrazovaniya-171241.xhtml.
6. <http://минобрнауки.рф/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/2874>.
7. <http://www.europarl.europa.eu/news/en/pressroom/content/20121024IPR54373/html/Russia-must-meet-all-its-WTO-obligations-say-MEPs>.
8. <http://www.nakanune.ru/articles/17127>.